

Молодые Геттош. - Майский. - 1990. - 4 июля.

С "РУССКИМ ХОРОМ"

ХОРОМ

Антон Токарев: "Терпеть не могу, когда спрашивают о папе..."

Внешность и голос его узнаются сразу же, как только он появляется на сцене или телеэкране. Впечатление такое, будто этот парень ехал с тобой в метро или троллейбусе, а потом вдруг взял в руки микрофон и запел.

Он родился в Ленинграде. С детства сочинял песни, которые с удовольствием распевали его друзья. Но... Прочувшись 8 классов в школе с французским уклоном, поступил в медицинское училище. Работал на станции "Скорая помощь", где был, кстати, секретарем комсомольской организации. Вот такая получилась немusыкальная карьера.

Но природные способности одержали верх над медициной, и в марте 1989 года он впервые вышел на суд зрителей, приняв участие в одном из праздничных концертов в Москве.

Двадцатичетырехлетний певец Антон Токарев стал заметным явлением на советской эстраде. Тем не менее он счастливо избежал "звездной" болезни. Разговаривая с ним, никогда не знаешь, началось ли уже собственно интервью. Вместо того, чтобы вещать о своих творческих планах, он расспрашивает обо всем: о жизни, о последних впечатлениях. И охотно поддерживает разговор на любую тему. И вдруг из легкой болтовни вырисовывается образ артиста.

- Антон, а какой вопрос тебе задают чаще всего?

- "Как дела у папы?" и я, кстати, терпеть не могу на него отвечать. Мне кажется, если журналист пришел разговаривать со мной, то его должны в первую очередь интересовать мои планы, а не личная жизнь моего отца. Я, конечно, понимаю, что Вилли Токарев интересен советскому зрителю, читателю, слушателю, но это, наверно, должно быть темой отдельного разговора. Ведь Володю Преснякова не расспрашивают о Владимире Петровиче...

Вот, кстати, совсем недавно со мной и моей группой "Русский хор" произошел неприятный случай. Мы приехали на гастроли в Узбекистан, в Самарканд. Разместившись в гостинице, пошли знакомиться с городом. Времени до вечернего концерта оставалось довольно много. Надо сказать, что перед гастрольями мы дали администратору гастрольно-концертного кооператива "Спектр" - именно "Спектр" организовывал гастроли - 100 наших концертных афиш, что-

бы осветить концерты в городе. В результате, ни одной афиши мы не увидели. И вот около касс Зеленого театра - в нем мы должны были работать - читаем: "Впервые в нашем городе: Вилли Токарев и варьете из США "Русский хор". Люди подходят, видят афишу, берут билеты... Это - уже ставшее притчей во языцех - надувание зрителя ради концертных сборов, разрешенное, кстати, администрацией Зеленого театра. Когда же я обратился к директору театра и сказал, что при всем желании не смогу изобразить собственного папу, мне ответили: "Да что ты, Антон, не переживай. Скажем, что Вилли заболел, вместо себя прислал тебя. Извинимся перед публикой. Главное-то сделано: билеты проданы, аншлаг. И вряд ли люди, настроившиеся на концерт, пойдут их сдавать..." Это спекуляция именем отца всегда поражает меня больше всего...

Иногда задают, что называется "вопрос в лоб": "Ваша творческая судьба складывается куда как успешно. Правда ли, что легкость восхождения вам обеспечил ваш папа?" Ну что я могу ответить? С "раскруткой" у меня такие же проблемы, как и у всех. Да и как отец мог помогать мне, если у него не только не было знакомых редакторов и друзей из концертной сферы, но он вообще жил за границей. Почему-то никому не приходит в голову, что в конечном итоге главной гарантией популярности является качество продукции.

- Антон, все же наверняка есть человек, который помог тебе стать артистом.

- Да, такой человек есть - это руководитель творческой студии для одаренных детей "Ласковый май" Андрей Разин. Когда в начале прош-

лого года "Май" выступал у нас в Ленинграде, я передал Разину кассету с записью нескольких моих песен. Утром на следующий день Андрей позвонил мне, сказал, что песни ему понравились и он берет меня на работу в свою студию. Предвидя возникающий сразу же вопрос, скажу, что того, что я сын Вилли Токарева, Андрей не знал: кассета была подписана просто:

"Антон". К вечеру я уже уволился со "Скорой помощи", где работал фельдшером, и вместе с "Маем" улетел в Москву. Так началась моя гастрольно-концертная жизнь (смеется).

- И все-таки, проработав в "Мае" год, ты ушел. Почему это произошло?

- Очень часто, отвечая на

подобный вопрос, музыканты говорят, что для начала в группе возникают творческие разногласия. Потом все начинают ругаться - сначала из-за этих разногласий, а потом и просто так, и, наконец, расходятся, хлопая дверьми, и еще долго занимают друг друга физическими недостатками. Или могут еще сказать, что кто-то кому-то сколько-то недоплатил и возник конфликт на этой почве. У нас, в "Ласковом мае", ничего подобного не было. Дело в том, что это - студия для особо одаренных детей. Идея ее в том, чтобы воспитывать артистов,

денег. Пришлось продать большую часть аппаратуры, но группа все равно разбежалась: кому охота сидеть без работы? Однако обратно в "Май" возвращаться и не думал: появилось гораздо больше возможностей для самовыражения. В "Мае" мое творчество ограничивалось так называемым "городским фольклором" примитивная музыка плюс примитивные словечки. Сейчас же я обращаю очень большое внимание именно на слова, хотя, как известно, песни с серьезной текстовкой гораздо реже становятся популярными, чем примитивные, типа "цветик-приветик". Однако я не ставлю перед собой задачу написать, как говорят, "совковый шлягер". Меня прежде всего привлекает звучание, обработка, красота слога. Это как фирменная вещь и само-строк: при ближайшем рассмотрении все кривые швы вылезут наружу.

Сейчас у меня есть своя группа - "Русский хор". Мы иногда в шутку говорим, что я пою хором о "Русском хором". Появились концерты, хорошие гастроли - выкарабкался.

- Антон, у "Русского хора" есть отличительные черты?

- Пожалуй, да. Например, то, что на концертах мы всегда работаем живую, не пользуемся фонограммой. Иногда на концертах все-таки приходят записки, в которых спрашивают: "Почему вы поете под фонограмму?" Вот и приходится во время выступлений специально делать паузы, спотыкаться. Поешь-поешь, потом - подумаешь и продолжишь. И тогда такой шквал аплодисментов "срываешь", который не снился, наверно, даже "Ласковому маю".

Но я хочу, чтобы читатели понимали: жизнь артиста: не только цветы и овалы. Это каждодневный, изнурительный, выматывающий труд. Это бессонные ночи, бесконечные переезды, невозможность месяцами бывать дома, видеться с родными, друзьями... Иногда хочется все бросить и уехать обратно в Ленинград.

- Что помогает тебе в такой тяжелой ситуации?

- Вспоминаю слова Гете: "Кто хочет достигнуть великого, должен уметь ограничивать себя".

начиная с 8-10-летнего возраста. Мне, в мои 24 года, было неловко стоять на одной сцене с Андрюшей Гуровым, которому 13. Это и стало причиной ухода.

- Не жалеешь?

- Нет, конечно. Хотя сразу после того, как ушел, дела сошли на нет. Не было гастролей, концертов и, как следствие из этого, не было

Записала
Инна ЕРОЕВА.
(Специально для "Квинты").

МОСКВА.